

УДК 294.3

МИР ЛИЧНЫХ ИМЕН В МОНГОЛАЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ОБРЯДОВЫЙ АСПЕКТЫ

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент,

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,

Элиста, Российская Федерация

E-mail: elomakaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению национально-культурной специфики калмыцких и монгольских личных имен. Антропонимия имеет большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписанные правила поведения в семье и обществе. Изучение особенностей личных имен особенно продуктивно в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики. Объектом исследования являются антропонимические лингвокультурные коды, предметом — антропонимы как их репрезентанты. Личные имена калмыков и монголов тесно связаны с материальной и духовной культурой кочевников. Многие антропонимы возникли в результате онимизации апеллятивной лексики (названий животных и растений, буддийских терминов и др.), а также трансонимизации (переход теонимов в антропонимы). Личные имена вызывают у автора особый интерес как с точки зрения их особой роли в ономастическом пространстве, так и с точки зрения их представленности в языках, обслуживающих буддийскую культуру (в частности, в калмыцком и монгольском). В статье дается семантический и этимологический анализ антропонимов в контексте родильного обряда у калмыков. Показано, что данный класс заимствованной онимической лексики заслуживает системного описания с учетом буддийского контекста, а, соответственно, санскритско-тибетских параллелей. Большая часть рассмотренных имен относятся к именам-дескриптивам и именам-дезиративам, являются репрезентантами базовых лингвокультурных кодов (прежде всего биоморфного, абстрактного и духовно-религиозного).

Ключевые слова

Антропонимы, буддийские теонимы, монгольские языки, этимология, семантика, тибетские и санскритские параллели.

UDC 294.3

WORLD OF PERSONAL NAMES IN THE MONGOL-LANGUAGE WORLDVIEW: ETYMOLOGICAL AND RITUAL ASPECTS

Ellara Ulyaevna Omakaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Annotation

The article is devoted to identifying the national and cultural specifics of Kalmyk and Mongolian personal names. Anthroponymy has great educational and cultural-historical value. It is a kind of history of the life of an ethnic group, a real encyclopedia of folk life, conveying its unique flavor, the originality of material and spiritual culture, unwritten rules of behavior in the family and society. The study of the features of personal names is especially productive within the framework of linguoculturology and ethno-linguistics. The object of the study is anthroponymic linguocultural codes, the subject is anthroponyms as their representatives. Personal names of Kalmyks and Mongols are closely related to the material and spiritual culture of nomads. Many anthroponyms arose as a result of the onymization of appellative vocabulary (names of animals and plants, Buddhist terms, etc.), as well as transonymization (the transition of theonyms into anthroponyms). Personal names are of particular interest to the author both from the point of view of their special role in the onomastic space and from the point of view of their representation in the languages serving Buddhist culture (in particular, in Kalmyk and Mongolian). The article provides a semantic and etymological analysis of anthroponyms in the context of the birth rite among the Kalmyks. It is shown that this class of borrowed onomastic vocabulary deserves a systematic description taking into account the Buddhist context, and, accordingly, the Sanskrit-Tibetan parallels. Most of the considered names are descriptive names and desirative names, they are representatives of basic linguocultural codes (primarily biomorphic, abstract and spiritual-religious).

Key words

Anthroponyms, Buddhist theonyms, Mongolian languages, etymology, semantics, Tibetan and Sanskrit parallels.

ВВЕДЕНИЕ

Антропонимия как важная составляющая традиционной лингвокультуры монгольских и, шире, тюрко-монгольских народов много лет является объектом наших исследований (Омакаева, 1998, 2008, 2010 и др.). Нам уже не раз приходилось писать о том, что антропонимы представляют большой интерес с лингвокультурной точки зрения. Какие секреты таят в себе калмыцкие и монгольские имена? В процессе углубленных исследований последних десятилетий, особенно в области семантики, четко определилось направление, изучающее взаимосвязь языка и культуры, в рамках которого базовой проблемой предстает вопрос о том, как, изучая язык, мы можем объяснить особенности той или иной культуры и, наоборот, как, изучая культуру, мы можем объяснить особенности того или иного языка.

Личные имена, будучи соотнесенными с человеком (носителем имени) и конкретным обрядовым комплексом (родильным), относятся к тем элементам лексической системы языка, которые несут определенную культурно-историческую информацию. Но на сегодняшний день актуально не просто собрать воедино реликты прошлого и истолковать современную антропонимическую ситуацию, но и по возможности воссоздать данный фрагмент традиционной ономастической картины мира монголоязычных народов, в частности калмыков и монголов.

Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная система антропонимов, возникших в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже пересмотрена через призму языка и кросс-культурных контактов. Традиция именника ойратов, предков калмыков, имеющая центрально-азиатское происхождение, впитала в себя антропонимикон Древней Индии и Тибета, будучи тесно связанной с буддизмом и письменной тибето-монгольской традицией.

ОБСУЖДЕНИЕ

Традиционно имя считалось сутью человека. Именно этому посвятил свой известный труд «Имена» Павел Флоренский (1994). Наши предки тоже хорошо понимали, что между именем, данным человеку при рождении и его дальнейшей судьбой существует незримая связь. Поэтому очень актуальна и сегодня калмыцкая пословица *Зун куунэ чирэ узхэр, нег куунэ нер мед* ('Чем знать 100 человек в лицо, лучше знать одного по имени').

Личным именам калмыков и монголов посвящена значительная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. И это не случайно. В научном багаже калмыцкой и монгольской школы антропонимики есть богатый опыт предшествующих поколений, к которым принадлежат собиратели личных имен, записанных в разное время в Калмыкии и Монголии, и современные разработки в области изучения моонголоязычной антропонимии, как исконной, так и заимствованной (Ч. Содном, Ж. Сэржээ, М. У. Монраев, Г. Ц. Пюрбеев, Р.Л. Сельвина, Т. Г. Басангова, Э. У. Омакаева, В.Н. Хонинов и др.). Ч. Содном 60 лет назад опубликовал книгу «Монгол хүний нэрийн тухай» (1964), в которой имеется словарь монгольских имен (с. 69-134). А спустя 27 лет Ж. Сэржээ опубликовал справочник (1991).

Информация о калмыцких антропонимах появилась 40 лет назад в «Этнической ономастике» благодаря Р.Л. Сельвиной (1984). Ценным вкладом в изучение личных имен калмыков является докторская диссертация и монография М.У. Монраева (1998). Следует указать ряд других монографических работ (Денисова, 2004; Жапова, 2005; Хонинов, 2009 и др.).

Исследование монголоязычного антропонимикона осуществляется нами в русле пилотных разработок в области реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка (В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Н. И. Толстой, Г.Ф. Благова, А. В. Дыбо и др.). Основными методами в работе являются описательный, сравнительно-сопоставительный, типологический.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Имянаречение и сегодня признается важнейшим инициационным актом, придающим новорожденному статус человека. При рождении ребенка раньше всегда обращались с просьбой дать имя новорожденному к астрологу-зурхачи, который с учетом даты и даже часа рождения младенца выбирал соответствующее имя. Имя произносили шепотом в правое ухо младенца три раза.

Имена давали дезигнативные и дескриптивные (описательные), связанные с флорой (калм. Бадм, монг. Падма «лотос») и фауной, цветовой (калм. Улан, монг. Улаан «красный») и числовой символикой, а также с религией.

С приходом буддизма традиционный фонд собственно монголоязычных имен пополнился антропонимами санскритского и тибетского происхождения. Такие имена очень популярны: калм. Эрднь, Радна, Эрнцн, Эрнжэн (монг. Эрдэнэ) «Драгоценность», калм. Очр, Баазр, Дор (монг. Очир, Баазар, Дорж) «Ваджра (ритуальный предмет, символизирующий неразрывность мудрости и метода)», калм. Санж (монг. Санжай) «Просветленный, Будда», калм. Церн (калмыцкий эквивалент Утнасн) (монг. Цэрэн) «Долгая Жизнь», калм. Чагдр (монг. Чагдар) «Ваджрапани», калм. Дэр (монг. Дарь) «Тара», калм. Луузн (монг. Лувсан) «Хороший Ум» и т.д.

Имя человека, по представлениям калмыков, определяло всю его дальнейшую жизнь. Если ребенок болел, то одной из причин могло быть несоответствие имени и ребенка. Во избежание негативных последствий имя необходимо было сменить на другое. Поэтому родители старались сразу дать новорожденному имя-оберег.

Калмыцкие и монгольские личные имена по происхождению разнообразны. Значительное место среди них занимают имена исконные: «числовые» (Зурхан «шесть», Долан «семь», Гучн «тридцать»; «цветовые» (Шар «желтый», Ноһан «зеленая», Цаһан «белая»).

Материал для исследования собирался в ходе научно-поисковых экспедиций в 2007-2015 гг. на территории западных аймаков Монголии и СУАР КНР, а также в районах Республики Калмыкия (с 2000 г.). Выявлено несколько групп антропонимов: 1) оттопонимические антропонимы, связанные с именами буддийских божеств; 2) отастронимические имена, возникшие от названий планет, звезд и созвездий; 3) антропонимы, характеризующие личностные качества (дескриптивы); 5) личные имена, связанные с названиями драгоценных камней, металлов; 6) фитоимена, связанные с растительным миром; 7) зооантропонимы, связанные с миром животных и др.

Самым распространенным было календарное имянаречение. Зурхачи определял имя в соответствии с астрологическими признаками дня рождения ребенка.

Не случайно у калмыков многие имена обозначают названия планет и созвездий, связанные с днем недели, в который родился человек. Например: Адъян, Нимэ, Нарн 'Солнце', Сумъян, Сарн, Дава 'Луна', Мигмр 'Марс', Үлмж, Лавга 'Меркурий', Пүрвэ 'Юпитер', Басн, Шуһр 'Венера', Бемб, Санчр 'Сатурн'. О календарно-планетных личных именах калмыков санскритско-тибетского происхождения мы уже писали ранее (Омакаева, 1994). Так, к личным именам санскритского происхождения относятся Анггарг 'планета Марс', 'вторник'; Адъян 'солнце', 'воскресенье', Сумъян 'луна', 'понедельник'. Марс имеет и калмыцкое название Улан нүдн 'Красный глаз' (калька с тибетского). Меркурий калмыки называют Үлмж, монголы — Лхагва (у калмыков есть имя Лавга), Юпитер калмыки именуют Пүрвэ, Сатурн — Бембэ.

Благоприятным временем для наречения именем считались периоды нахождения Солнца в зодиакальных созвездиях Стрельца (Нумн), Водолея (Хумх), Рыб (Заһсн), Близнецов (Хурцл). Весы и Скорпион относились к неблагоприятным созвездиям для имянаречения. Плохими днями для наречения имени были дни, которыми управляли созвездия № 1, 3, 8, 10, 13, 17, 18. В воскресенье предписывалось давать имена ханские. Но такие имена могли носить только особы княжеского рода (нойоны). В понедельник можно было давать имена чиновников и простых людей. В среду — мужские имена, в четверг — буддийские имена гелюнгов, в пятницу — женские имена и имена, обозначающие названия животных, вещей, драгоценностей (Омакаева, 1998). Если же календарное имя было по какой-то причине нежелательно, выбирали другое имя.

После совершения обряда имянаречения в целях предохранения ребенка от несчастия астролог давал специальный талисман «бу» (по П. Небольсину, тельник) — зашитое в материю (цвет материи определялся зурхачи) изображение божества (*шутэн*) с заклинаниями (*тярн*). Амулет надевали на шею ребенка, а на следующий день снимали и привязывали к колыбельке. С выходом из колыбельного возраста амулет одевали снова на шею ребенку. В качестве детских оберегов широко использовались и серебряные монеты, раковины каури, которые назывались по-калмыцки «моһан толһа» (змеиная головка). Это же название бытует у многих тюркских народов, например, у татар, казахов, киргизов, туркмен. Монеты и раковины прикреплялись обычно к волосам ребенка.

Если обряд омовения совершался без участия священнослужителя, то тогда ездили в хурул освятить воду, размешав в половине стакана воды одну чайную ложку молока. Заговоренную в хуруле воду смешивали дома в чистой посуде с 3 литрами теплой воды. Затем воду выливали в таз, куда бросали белые и желтые монеты с пожеланием долгой жизни младенцу, соль для укрепления тела, костей ребенка, щепотку можжевелевого порошка для очищения от грехов предыдущих жизней. Иногда в воду для первого купания бросали три черных камушка с пожеланием «Пусть твоя жизненная сила будет крепче черных камней!» (Хабунова, 2005: 30).

Если емкости для купания не было, то ребенка омывали на руках, предварительно положив кусочек ткани, на который сверху клали монетки, и возжигали можжевелевый порошок для окуливания. Поливая водой ребенка, произносили: «По божественной милости ты с сегодняшнего дня очистился» (*ода цеврдж одвч*).

Обряд обычно совершала мать ребенка при помощи других женщин. После обмывания мать проводила несколько раз своим языком по телу ребенка. Обряд первого купания ребенка основан на мифологических представлениях о воде как обереге, животворном средстве, санкционирующем новый статус ребенка.

Обряд имянаречения без участия священнослужителя происходил следующим образом. Как только из хурула получали письменное известие о том, какое имя следует дать ребенку, родильница спешила в дом родителей отца ребенка. Это был ее первый выход к родным мужа. Мать ребенка брала с собой ребенка в люльке и подношения — борцоки (3 тазика-тевш), чай (3 кувшина-домбо), водку (несколько фляжек-бортха), тушу целиком сваренного барана. Когда она подходила к кибитке свекра, то сразу не заходила, оставаясь снаружи у распахнутых дверей. Подарки у нее забирали и ставили в ряд на жертвенник (алтарь) и только после этого ей позволялось переступить порог кибитки. Войдя после специального разрешения в кибитку, мать ребенка ставила колыбельку перед большим бараном, прислонив ее отвесно к шесту, на верху которого находилась жертвенная чаша, и молилась перед алтарем, совершая три поклона.

Обряд имянаречения совершал старший участник обряда, обычно дед (*өвк эцк*). Он подходил к алтарю и, отвесив три поклона, наклонялся к ребенку, лежащему в колыбельке, затем, взяв за левую мочку уха, если давали имя девочке, и правую мочку, если это был мальчик, негромко трижды произносил имя: «По божественной милости ты с этого дня именуешься так-то». После этого вынимал из принесенного барана сердце, отрезал верхний кусочек и прикладывал ко рту ребенка. С этого времени ребенок считался грешным (*килци хурана*), поскольку попробовал кусочек мяса животного, специально для него заколотого. Оставшуюся часть сердца барана клали на алтарь (Небольсин, 1852: 86-87).

После совершения обряда мать вместе с ребенком переходила на женскую половину кибитки и садилась рядом со свекровью у малого барана. Родители мужа одаривали ее и ребенка подарками и произносили благопожелания.

Часто ребенку давали тотемное имя (Чон — Волк, Ноха — Собака и т.д.). Имена животных носят двойственный характер: с одной стороны, с их помощью ребенок получал защиту, вновь нарекаемому должны были передаться качества соответствующих животных — сила и неуязвимость волка, живучесть и крепость собаки, с другой — ребенок причислялся к миру природы с целью обмана злых духов.

Помимо социальной функции имени (идентификация его носителя), большое значение придавалось его мифологической функции, магическим свойствам, регулирующим отношения человека с потусторонним миром, миром природы, космосом. Обычно эти две функции свойственны одному имени. Но в особых случаях, когда ребенку угрожает опасность, ему давали второе имя (обычно на семейном совете), которое использовалось в повседневной жизни, а настоящее имя табуировалось и скрывалось.

Имя выбирали на семейном совете, учитывая время появления ребенка на свет, погодные условия и другие обстоятельства того дня, родословную (*тохм к*) и т.д. Особенно было принято давать имена уважаемых в роду предков. Ребенка нельзя было назвать в честь родителей, дедушки и бабушки, а также здравствующих и недавно

умерших родственников. Считалось, что называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно для обоих. В настоящее время этот обычай часто нарушается. В калмыцкой среде существовал запрет на произнесение имени мужа, соблюдаемый его женой. Это табу распространялось также и на родственников мужа.

Очень популярны у калмыков были благопожелательные имена: Киштэ «Счастливая», Байн «Богатая», Цаган «Белая», Мергн «Меткий», Цецн «Мудрый», Баатр «Богатырь» и др.

По имени можно было узнать субэтническую принадлежность его носителя. Так, у торгутов существовала традиция называть детей двойным именем (Очир-Гаряев, 1989), особенно популярны были имена со вторым компонентом Гаря (например, Эрдни-Гаря, Санджи-Гаря, Манджи-Гаря). Другие принципы выбора имени применялись обычно, если ребенок рождался слабым и существовала опасность, что он не выживет, если в семье умирали («не держались») дети или родители хотели переменить пол детей.

Если в семье умирали дети, то вновь родившемуся ребенку давали чужое имя — православное или мусульманское (Ахмед). Особенно много русских имен появилось у калмыков после Сибири. В целях обмана злых духов мальчикам давали женские имена (например, *калм.* Окн — Девушка, Күүкн — Девочка и т.д.), поэтому у калмыков много общих имен, которые носят и мужчины, и женщины. Если в семье рождались одни девочки, то последнему ребенку давали *останавливающее* имя (например, Болха).

Именник, репертуар имен любого языка не является чем-то неизменным, данным раз и навсегда. Меняется состав собственных имен: одни исчезают, другие появляются, создаются, третьи уходят из активного употребления на периферию, меняют свое место в антропонимиконе. В свое время была мода на имена героев калмыцкого эпоса «Джангар», имена великих ханов. Такие имена, как Джангар, Чингиз, калмыки вообще-то считают «тяжелыми» (кунд нерн). В отдельных случаях, когда имя «не идет» (зокчахш) его носителю, лучше сменить это имя. Иначе ребенка будут преследовать болезни и несчастья.

Любое имя, имеющее «тяжелую наследственность», каким бы благозвучным и красивым оно ни было, неизбежно попадает в разряд «запретных». Судьба имени, его жизнь в языке во многом зависит от судьбы его носителя. Вот что пишет калмыцкий писатель Алексей Балакаев об имени *Тегряш* в своем романе «Тринадцать лет, тринадцать дней»: «Красивое имя. Но, видимо, калмыки от суеверия не называют этим именем своих дочерей. На это есть причина» (1995: 255). У калмыков есть старинная песня с аналогичным названием. Считается, что девушка сама сочинила эту печальную песню о своей трагической судьбе. Как пишет писатель далее, «и народ наш, слыша эту горькую песню, видимо, невольно поддается ложному суеверию и не называет своих дочерей именем Тегряш» (1995: 256). История этой песни печальна. Родители 16-летней девушки выдали ее замуж за дряхлого 70-летнего старика. Красивая, как луна-солнце, хрупкая, как стекло.

Видимо, вся система примет, поверий и запретов, связанных с магией имен, имеет под собой определенное основание. Болезнь ребенка нередко объяснялась неправильно выбранным именем, поэтому средством избавления от болезни, «перерождения» человека считали перемену имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имена имеют разную степень актуальности в той или иной лингвокультуре. Наиболее важные для этноса личные имена являются культурными доминантами. Можно с достаточной точностью охарактеризовать специфику монголоязычной лингвокультуры на основе анализа определенных имен, которые относятся к культурным доминантам. В них находят отражение различные пожелания ребенку (долгих лет жизни, здоровья, богатства, счастья, радости, храбрости, смелости, красоты, ума и т. д.). По представлениям калмыков, жизнь ребенка и его счастье во многом зависели от имени. Считалось, что имя влияет на судьбу ребенка, его будущий характер и способности.

Сохранение этничности мы связываем и с жизненностью личных имен, ибо в антропонимах воплощены этические и эстетические ценности народа, которые с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой — отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-2810061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>.

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-10061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>.

Литература

- Балакан, Алексей (1991). *Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил* (роман). Элст.
- Балакаев, А. Г. (1995). *Тринадцать дней, тринадцать лет*. Элиста.
- Денисова, В. В. (2004). *Универсалии монгольских антропонимов*. Улан-Удэ.
- Жапова, Д. Н-Д. (2005). *Функциональная эволюция монгольских антропонимов*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та.
- Монраев, М. У. (1998). *Калмыцкие личные имена (семантика)*. Элиста.
- Небольсин, П. И. (1852). *Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса*. СПб.
- Омакаева, Э. У. (1998). Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни. *Altaica*. 2. 101–106.
- Омакаева, Э. У. (1994). Культ созвездий и планет у монголов. *Этнокультурная лексика монгольских языков*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 44–49.
- Омакаева, Э. У. (2008). Триада «язык — культура — этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 1. 2. 62–67.
- Омакаева, Э. У. (2010). Родильный обряд и ритуалы детского цикла. *Калмыки* (Серия «Народы и культуры»). Москва: Наука. 229–249.

Очир-Гаряев, В. Э. (1989). Калмыцкие бинарные антропонимы. *Владимирцовские чтения: Тезисы докладов и сообщений*, Москва, 25–26 октября 1989 года. Москва: Наука. 127–129.

Сельвина, Р.Л. (1984). Калмыцкие личные имена. *Этническая ономастика* / Отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов; АН СССР. ИЭ. Москва: Наука. 87–93.

Содном, Ч. (1964). Монгол хүний нэрийн тухай. *Монгол судлалын зарим асуудал*. Улаанбаатар.

Сэржээ, Ж. (1991). *Монгол хүний нэрийн лавлах толь*. Улаанбаатар.

Флоренский, П. А. (1994). *Тайна имени*. Харьков.

Хонинов, В. Н. (2009). *Современные калмыцкие имена*. Элиста: Джангар.

Хабунова, Е. Э. (2005). *Хулмт*. Хальмгудын эмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдэвр. Элст: АОр НПП «Джангар».

Ярмаркина, Г.М. (2020). Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ. *Монголоведение*.12(3). 497–508.

References

Balakan, Aleksej (1991). *Arvn hurvn ødr, arvn hurvn æil* (roman). Elst. (in Kalmyk).

Balakaev, A.G. (1995). *Trinadcat' dnei, trinadcat' let*. Elista. (in Russian).

Denisova, V. V. (2004). *Universalii mongol'skih antroponomov*. Ulan-Ude. (in Russian)/

Khoninov, V. N. (2009). *Sovremennye kalmyckie imena*. Elista: Dzhangar. (in Russian)

Khabunova, E. E. (2005). *Hulmt*. Hal'mgudyn emdrlin ergcin zaң-үүл болн амн үүдэвр. Elst: АОр НПП «Dzhangar». (in Kalmyk)

Monraev, M. U. (1998). *Kalmyckie lichnye imena (semantika)*. Elista. (in Russian).

Nebol'sin, P.I. (1852). *Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa*. SPb. (in Russian).

Omakaeva, E. U. (1994). Kul't sozvezdij i planet u mongolov. *Etnokul'turnaya leksika mongol'skih yazykov*. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. 44–49. (in Russian).

Omakaeva, E. U. (1998). Magiya i astrologiya v kalmyckih obyčajah i obryadah, svyazannyh s rozhdeniem rebenka i pervym godom ego zhizni. *Altaica*. 2. 101–106. (in Russian).

Omakaeva, E. U. (2008). Triada “yazyk — kul'tura — etnos” skvoz' prizmu antroponomii: kalmyckie lichnye imena v kontekste buddijskoj kul'tury. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*. 1. 2. 62–67. (in Russian).

Omakaeva, E. U. (2010). Rodil'nyj obryad i ritualy detskogo cikla. *Kalmyki* (Seriya «Narody i kul'tury»). Moskva: Nauka. 229–249. (in Russian).

Ochir-Garyayev, V. E. (1989). Kalmyckie binarnye antroponomiy. *Vladimircovskie chteniya: Tezisy dokladov i soobshchenij*, Moskva, 25–26 oktyabrya 1989 goda. Moskva: Nauka. 127–129. (in Russian).

Sel'vina, R.L. (1984). Kalmyckie lichnye imena. *Etnicheskaya onomastika* / Отв. ред. R.Sh. Dzharlygasinova, V.A. Nikonov; AN SSSR. IE. Moskva: Nauka. 87–93.

Serzhee, Zh. (1991). *Mongol hunij nerijn lavlah tol'*. Ulaanbaatar. Florenskij, P. A. (1994). *Tajna imeni*. Har'kov. (in Mongolian).

Sodnom, Ch. (1964). Mongol hynij nerijn tuhaj. *Mongol sudlalyn zarim asuudal*. Ulaanbaaatar. (in Mongolian).

Yarmarkina, G.M. (2020). Antroponomiy v pis'mah hana Ayuki i ih russkih perevodah: predvaritel'nyj analiz. *Mongolovedenie*.12(3). 497–508. (in Russian).

Zhapova, D. N-D. (2005). *Funkcional'naya evolyuciya mongol'skih antroponomov*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta. (in Russian).